

Из-за этого в семье Лу собрались все вместе, устроив совет во главе со старухой Лу. Даже Лу Чаньюань, узнав о деле, выпросил отпуск в академии и примчался домой, хотя на этот раз Тао Юань с ним не приехал. Разумеется, среди собравшихся не было Лэн Сянлянь — та не так давно, вернувшись от Цзи Жаня, видимо, так перепугалась, что родила раньше срока, подарив семье Лу пухленького внука. Сейчас она как раз на покое после родов.

— Эта паршивка совсем обнаглела, даже не знаю, что ещё выдумает! — Старуха Лу, до этого молча щёлкавшая на стуле арахис, наконец подняла глаза и саркастически процедила.

— Матушка, за полгода мы все видели: у этой твари есть своя голова на плечах. Хоть выдумки у неё и диковинные, но в них действительно кроется способ разбогатеть. Я думаю, что бы она сейчас ни затеяла, уж точно неспроста! — Это говорил Лу Чанцин. С тех пор как он, попытавшись украсть курицу, сам наелся куриного корма и два дня промучился животом, в нём копилась злоба. Теперь, вспоминая Цзи Жаня, он скрежетал зубами и хмурился.

Лу Чангэн, обычно немногословный, при мысли о позоре с тем кормом тоже стиснул челюсти.

Старуха же Лу повернулась к Лу Чаньюаню:

— Младшенький, а ты как думаешь?

Не дожидаясь его ответа, Гао Хуэй тихо спросила:

— Шурин, а как же то, о чём ты говорил — донести властям? Почему до сих пор ничего не слышно?

— Точно! — Лу Чанцин хлопнул себя по бедру. — Четвёртый, ты что, сгоряча ляпнул? Неужто и вправду считаешь эту тварь родней и не решаешься?

— У Цзи Жаня замыслы странные. Думаю, что бы он ни затевал, это неспроста, и нельзя позволить ему преуспеть, — неожиданно высказался и Лу Чангэн.

Гао Хуэй закивала:

— Именно! Пусть хоть весь свет перевернёт, нам-то от этого что? Нам хорошо не будет, так пусть и ему не сдобровать!

Эти слова неожиданно пришлись старухе Лу по душе, но Лу Чаньюань тут же нахмурился.

— Третья невестка, такие слова дома говори, а на улице не болтай. А то как люди на нашу семью посмотрят? — Лу Чаньюань, будучи учёным, ценил достоинство. Некоторые мысли, даже если они верны, нужно облекать в изящные слова. А больше всего он презирал, когда свои же не стыдятся выставлять напоказ семейные неурядицы.

Гао Хуэй, получив выговор, смущённо притихла, но в душе лишь фыркнула. Эх, лицемер!

— Цзи Жань добился всего сам. Всё же мы семья, если перегнём палку, люди осудят, — продолжил Лу Чаньюань, видя, что старуха Лу готова возразить. — Однако то, что он заставил второго и третьего брата есть куриный корм, — это уж перебор.

— Ещё бы! — фыркнула старуха Лу. — Ты её за родню считаешь, а она нас за родню считает? Мне плевать, я с ней не покончу! Твои братья зря страдали не должны, это дело так не оставим!

— Четвёртый, а господин Тао что говорит? — спросил Лу Чанцин, когда старуха выдохлась.

— Я сказал, что помогу братьям добиться справедливости, и слово сдержу. Но сейчас не время. Префект Ичжоу получил повышение и переводится, его место займёт новый уездный начальник, который сейчас как раз в пути. В такую смутную пору лучше не создавать лишних проблем. Поэтому господин Тао предлагает подождать, пока всё устаканится, — Лу Чаньюань сообщил родным то, что узнал от Тао Юаня.

— Нового уездного начальника мы не знаем. Если шурина господина Тао уедет, то...

— Дурак! — только начал бормотать старик Лу, как старуха Лу тут же заставила его замолчать. — Его повысили, а не выгнали! Новый начальник — всего лишь местный чиновник, а шурина господина Тао — префект Ичжоу! Скажет слово — и всё сделают.

Лу Чаньюань, пока семья спорила, сидел невозмутимо, с лёгкой улыбкой в уголках губ. Даже в простой одежде он выглядел настоящим благородным мужем.

Пока в семье Лу кипели страсти вокруг планов подставить Цзи Жаня, Лэн Сянлянь, которая должна была лежать после родов, с корзиной, прикрытой тканью, крадучись выскользнула из дома. Она никуда не пошла — лишь, выйдя за ворота, быстрым шагом, почти бегом, направилась к задней горе.

Лэн Сянлянь бежала так быстро, что уже на полпути в корзине раздался плач младенца. Женщина побледнела, прикрыла ткань рукой и огляделась. Убедившись, что никто не заметил, она ускорила шаг и побежала дальше в гору, по пути несколько раз спотыкаясь и падая.

— Эй? Откуда тут детский плач?

Цзи Жаню сегодня было нечем заняться, и он решил сходить в горы, выкопать пару диких фруктовых деревьев для двора. Только принялся за дело, как услышал едва различимый плач. Он остановился и переглянулся с Лу Чжэнем.

— Я посмотрю, — сказал Лу Чжэнь.

— Пойдём вместе, — Цзи Жань тут же бросил мотыгу, и они пошли на звук.

Едва они спрятались за деревом, как увидели Лэн Сянлянь: она поставила корзину в сторонку, взяла маленькую лопатку и принялась копать землю.

Цзи Жань остолбенел. Разве эта женщина не должна лежать после родов? Зачем она тащит ребёнка на вершину горы и копает яму? Неужели она задумала то, о чём он подумал? Но не может быть! Говорили же, Лэн Сянлянь родила сына. Может, слухи ошибочны и она родила дочь? Она что, предпочитает сыновей?

Уши Цзи Жаня наполнял детский плач, а в голове роились вопросы.

— Что она задумала? — тихо спросил он у Лу Чжэня.

Лу Чжэнь, будучи призраком, не прятался и стоял на виду. Он нахмурился:

— Давай сначала посмотрим.

Так они и стояли, наблюдая, как Лэн Сянлянь выкопала ямку чуть больше корзины. Видимо, решив, что глубина достаточна, она отбросила лопатку, отряхнула руки и со сложным

выражением лица повернулась к корзине, из которой всё ещё доносился плач. Вздохнув, она сняла ткань.

— Дитя, не вини мать. Кто же знал, что у тебя на ногах окажется лишних два пальца. Все эти дни я скрывала, мучалась. Если в семье Лу узнают, что ты урод, не только тебе не жить — и мне несдобровать. Ты... ступай с миром. В следующей жизни родись в хорошем месте.

Боже правый!

Цзи Жань широко раскрыл глаза, и его потрясению не было предела. Лэн Сянлянь собиралась заживо похоронить собственного ребёнка! Чёрт возьми, что это за чудовищная женщина? Даже зверь детёныша своего не тронет! А она, родная мать, выносившая его десять месяцев, из-за лишних пальцев на ногах готова его убить!

Увидев, как Лэн Сянлянь, договорив, взяла корзину, чтобы опустить в яму, Цзи Жань больше не выдержал и выскочил из укрытия.

— Лэн Сянлянь!

Его внезапный крик так напугал женщину, что она выронила корзину. Та с глухим стуком упала в яму, и тихий плач ребёнка моментально превратился в рёв. Яма была неглубокой, но младенец слишком хрупок. Сердце Цзи Жаня сжалось — как бы дитя не пострадало.

Он подбежал, оттолкнул Лэн Сянлянь и вытащил корзину. Подняв её, он прижал к груди, откинул ткань, убедился, что с ребёнком всё в порядке, и лишь затем мрачно уставился на остолбеневшую Лэн Сянлянь.

— Лэн Сянлянь, даже зверь детёныша своего не трогает! А ты, родная мать, как можешь быть столь жестокой? — С корзиной в одной руке Цзи Жань схватил Лэн Сянлянь и потащил за собой. — Пошли!

Покушение на жизнь — дело серьёзное, так просто его не оставить.

— Ай! Отпусти! Не надо, не тащи меня! — Лэн Сянлянь наконец пришла в себя. — Нельзя, чтобы об этом узнали! Цзи Жань, умоляю, дай мне шанс, отпусти! Сделай вид, что ничего не видел, хорошо? Мы и так не ладили. Какое тебе дело до моего сына? Зачем тебе лезть со своим благородством?

Лэн Сянлянь была так напугана, что говорила бессвязно.

— Я тебе оставлю шанс, а ты своему сыну шанс оставила? — Цзи Жань, будучи мужчиной, не давал ей вырваться. — Раз решилась убить собственное дитя, будь готова к последствиям!

Цзи Жань мог терпеть причуды и выходки семьи Лу, но человеческая жизнь была для него чертой.